ОЛЬГА ДРОЗДОВА: «...СДЕРЖАННА В ВЫРАЖЕНИИ ЧУВСТВ»

Марина ЗЕЛЬЦЕР

Сергей Иванов

Ольга Дроздова, жена популярного ленкомовского актера Дмитрия Певцова, уже десять лет работает в «Современнике», играет в спектаклях «Три сестры», «Анфиса», «Аномалия», «Крутой маршрут», «Предупреждение малым кораблям». Эту красивую девушку с аристократичной внешностью зрители наверняка запомнили по фильмам «Прогулка по эшафоту», «Алиса и букинист», «Королева Марго», «На бойком месте». И, конечно, по «Бандитскому Петербургу», где Ольга снялась вместе со своей «половинкой». Кстати, в связи с этой работой почти полгода актриса провела в поезде «Москва–Петербург». Хотя роль особы, склонной к перемене мест, да и всех прочих атрибутов жизни, Ольга выбрала по жизни.

– Оля, кто первый сказал тебе об актерских способностях?

– Это было в школьные годы, в Находке. Мне было сказано очень жестоко, что способности у меня есть, но идти в актрисы не стоит. Мой педагог выращивала из меня не артистку, а грамотного зрителя. И когда я вдруг стала проявлять чересчур серьезный интерес к этой профессии, она стала доводить меня до слез, рисуя мое будущее в черных красках. Она считала – я до сих пор это выражение помню, – что у меня нет локтей, что я не пробьюсь, что меня сломают, потому что я очень впечатлительная и мягкая. Но почему нужно обязательно иметь локти? Есть и другие замечательные качества, с которыми можно удачно двигаться по жизни. Вопрос: куда двигаться? У каждого свой путь, не обязательно двигаться через тернии к звездам. Самое главное – сохранить себя на этом пути. А если часто пользоваться локтями, я думаю, можно себя потерять и прийти к результату уже развалиной.

– Как тебя встретила Москва?

– Конечно, я была неподготовленной к Москве. Все было, включая слезы в трамваях, когда наступали на ногу и при этом на тебя же орали... Я так и не привыкла к этому, да и нельзя привыкать. Просто я с этим сейчас меньше сталкиваюсь, потому что всю жизнь опаздываю и мне приходится в последний момент ловить машину, чтобы успеть. В Москве я жила в общежитии, хотя здесь у меня есть тетя, мамина родная сестра. Но я не хотела и до сих пор не люблю утруждать собой кого-то.

Сергей Иванов

– Ты с детства была такой самостоятельной?

– Я была домашним ребенком, даже тепличным, в прямом смысле этого слова: мама работала агрономом в теплицах, в них я и выросла. Всю зиму и все лето проводила среди цветов – либо на даче, либо в теплице. Серьезно занималась легкой атлетикой, в основном прыжками в высоту и длину. Выступала еще в институте, и успешно, но интерес к спорту в то время уже потеряла. Обожаю ходить на каток, но времени катастрофически не хватает. Сейчас для меня самый главный спорт – сон, поскольку это редко удается.

– Успеваешь что-то делать дома?

– Дома, как правило, есть обед, но, честно говоря, я не люблю сидение дома и поедание пищи. С гостями – это уже процесс, это не просто прием пищи. Если я остаюсь одна дома, практически не ем, скучно и жалко тратить на это время. Впрочем, жалко тратить его и на приготовление безумных блюд, которые съедаются в полчаса. Мы с удовольствием раз или два в месяц едим в Макдоналдсе. Хотя иногда у меня срабатывает фантазия, и я вдруг с удовольствием готовлю такое блюдо, которое нигде не видела и никогда не ела. Но в это время я творю, как художник, и испытываю творческий подъем. А так, чтобы каждый день с утра до вечера... Что касается уборки... Вот бытовые вопросы мне хочется решать очень быстро. Опыт у меня есть, потому что в детстве было такое распределение: мама готовила, работала, а вся уборка и стирка – на мне. Я стала профессионалом, делаю это как метеор. А Димка делает все это медленно, тщательно. Чтобы помыть какой-то уголок, из квартиры выносится практически все. Я не могу этого видеть, мне лучше уходить. Он все делает более основательно, более тщательно, даже ходит медленнее, чем я.

– Оля, признайся, ты сразу отметила для себя Диму во время той первой встречи на пробах?

– Нет. У меня, видимо, происходит профессиональное переключение. Мне трудно работать, по крайней мере, так я считала раньше, имея с партнером не только профессиональные отношения: я теряюсь, я думаю совершенно о другом. Поэтому для меня любой партнер – только партнер. Так что, когда мы пробовались, я ничего не отметила. Пришла домой, и со мной что-то стало происходить. Я почему-то стала ждать его звонка. Меня начало раздражать, что он не звонит, и я стала раздражаться, что меня это раздражает. Потом он позвонил. И два месяца мы гуляли, общались, как в 17 лет, хотя оба были уже достаточно взрослыми людьми.

– А вообще ты была влюбчивым человеком?

– Я и осталась влюбчивым человеком. У человека не меняются кровь, сердце после того, как он женится или выйдет замуж. Все остается, просто все в другом качестве, скорее созерцательном. Ну а влюбчивость я перевожу в дружбу, если, конечно, люди это понимают. У меня очень много друзей, дружба с которыми начиналась с такой, как им казалось, влюбленности.

– Об отношении Димы к тебе артисты чуть ли не легенды слагают...

– Я, как ни странно, более сдержанна в выражении чувств. Сейчас я привыкла, что с родителями, с друзьями мы встречаемся и целуемся. У нас дома такое не было принято. И таких проявлений чувств мне не хватало, хотя я этого не осознавала. Димка сейчас все это восполняет. У него и в семье все было по-другому. Хотя это не значит, что в той или иной семье чувства любви меньше или больше.

– Ты помнишь свои детские обиды и радости?

– Я все помню. Вообще, я с детства была ужасно вспыльчивой и ранимой, слезы у меня были мгновенные. Я научилась себя сдерживать. Сейчас даже моя подруга может сказать, что лет за 13 нашей дружбы она видела мои слезы максимум один-два раза. Мой принцип: все проблемы – дома, ночью, в подушку.

– Но это же очень тяжело...

– Однажды я просто увидела лицо человека, которому высказывала в слезах и истерике свои проблемы. Это было как прозрение: я вдруг увидела, как этому человеку неловко... К тому же с возрастом я поняла, что у всех свои проблемы, и они могут быть гораздо больше моих.

– Не делишься даже с Димой?

– Я все время делюсь с ним своими впечатлениями. Он в основном молчит, но умеет очень хорошо слушать и вовремя дать определенную оценку. Она бывает не всегда приятной, но, как правило, очень точной и очень правильной.

– Тебя часто приглашают вести разные фестивали и церемонии...

– Ты не представляешь, какой это для меня кошмар! У нас никто не занимается ведущими. На Западе в таких ситуациях обязательно предусмотрен стилист, актрисе предлагают на выбор разные туалеты в качестве рекламы. У нас же все приходится делать самой. На это уходит много сил и денег. И очень выматывает. В театре я никогда не испытываю такого чудовищного волнения, как просто при вручении призов. Это странное ощущение. Я пока не могу разобраться, что это такое.

– Ты всегда выглядишь элегантно, но мне кажется, в твоих туалетах – только черные и коричневые цвета...

– У меня есть определенный стиль. Нейтральный. Как фон для меня. Чем нейтральнее, тем лучше. Мне обидно, когда я вижу только платье, а за ним нет ни актрисы, ни человека. Очень редко богатое, яркое платье сочетается с личностью. Я пыталась надевать цветные вещи, но дальше подъезда они не выносились. Я возвращалась и переодевалась. Мне кажется, что они меня забивают, съедают. Я чувствую, что цвет меня перетягивает. Если я на сцене надеваю определенный костюм, он меня куда-то уже ведет за собой. И я – уже немножечко не я. А в жизни хочется отдыхать от этого.

– Но ты неравнодушна к выбору нарядов?

– Конечно, нет. Какого-то особого выбора у меня не происходит, потому что я все равно выберу все то же самое, и точно такая же двадцатая вещь будет висеть в гардеробе. Мне уже подруга говорит: «Боже мой, у тебя же это есть». А я отвечаю: «Ну это черный цвет, но немножечко в синий отлив». Хождение по магазинам для меня скорее способ снять депрессию, развеяться, отвлечься. Я могу перемерить кучу вещей, отобрать их, оставить на завтра и уйти домой довольной и успокоенной, будто бы я их купила. А уж если вещь очень запала, я поеду на следующий день и куплю ее. Я говорю: «С этой вещью я должна переспать». Ничто женское мне не чуждо, хотя, например, я не ношу никаких украшений. В один момент я поняла, что это не мое.

– Ты очень часто, даже зимой, носишь темные очки. Чтобы не узнавали?

– Я очень не люблю яркий свет естественного происхождения. А узнавать меня и так никогда не узнают. У меня такое лицо... Меня вахтерши в театр иногда не пускают, а я уже десятый сезон работаю. Прическу другую сделаешь – и все... С другой стороны, мне кажется, это и хорошо, потому что артист должен быть нейтрален, тогда он может быть и таким, и сяким. Любой штрих в макияже, прическе меняет его.

– В театре у тебя есть верные поклонники?

– Чаще всего это женщины.

– Удивительно для такой красивой женщины...

– Наверное, потому, что я про женскую долю играю всю жизнь.